

УДК: 811.512.1

Каксин А. Д.
доктор филологических наук
Хакасский НИИ языка, литературы и истории

ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ (ПОСЕССИВНОСТЬ) КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье с позиций лингвистической типологии очерчен круг основных посессивных отношений (или значений), а также средств их выражения, в современном хакасском языке. При описании средств выражения больше внимания уделено словосочетаниям, в составе которых один из элементов имеет специальный аффикс категории притяжательности.

Ключевые слова: языковые универсалии, притяжательность, средства выражения, аффиксация, хакасский язык

Обратившись к работам по общему языкознанию и лингвистической типологии, можно найти немало определений притяжательности (посессивности) как универсальной языковой категории. (Эти наименования искомой категории большинство лингвистов считает абсолютными синонимами, и мы тоже придерживаемся данного мнения). К примеру, в авторитетном энциклопедическом словаре под притяжательностью понимается «одна из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету (относительная номинация), напр. «книга Петра», «сын Николая», «любитель чтения», «хвост осла». ... Глаголы (вершинные предикаты) со значением ‘иметь’, ‘обладать’ образуют т. наз. *посессивную конструкцию предложения*» [1, с. 388].

Таким образом, с содержательной стороны категория притяжательности (понятийная и, затем, грамматическая) – очень объемная, и не только значения собственно принадлежности и обладания входят в ее объем. В него, в этот объем, входят и такие смыслы как тесная, неотъемлемая связь, отношение (например, части к целому), владение, нахождение в собственности и т. п.

Важным для нашего рассмотрения является то, что в приведенной выше дефиниции указано на всеобщее распространение посессивной семантики, а также на то обстоятельство, что выражаться в том или ином языке она может любыми способами и средствами, не обязательно – морфологическими. Все же в большинстве языков (и хакасский здесь не исключение) формируется, как мы видим, грамматическая категория притяжательности (или посессивности). Если рассмотреть формальную сторону явления с позиций общей лингвистики, а выводы затем экстраполировать на конкретные языки (или группы), то можно получить соответствующую типологию. В этой связи надо заметить, что выражение рассматриваемой категории в хакасском языке относится к одному из нескольких, самых распространенных, типов. Этот тип можно назвать общетюркским на том основании, что есть ряд признаков, объединяющих тюркские языки и противопоставляющих эти языки другим алтайским. Напр.:

«Как известно, порядковое расположение основных грамматических показателей в тюркских языках и в тунгусо-маньчжурских языках не совпадает: в тюркских языках в именной словоформе в ее правой части показатели имеют порядок – суффикс числа – суффикс принадлежности – суффикс падежа..., в тунгусо-маньчжурских языках – суффикс числа – суффикс падежа – суффикс принадлежности» [2, с. 272].

Это что касается порядка следования аффиксов в “притяжательной” словоформе; есть и другие дифференцирующие факторы. В частности, противопоставление тюркских языков другим алтайским отмечается и по линии развития (этимологии) средств, имеющих отношение к притяжательности:

«Личные местоимения в тюркских языках выступают в заметно преобразованном виде по сравнению с исходной системой, наилучшим образом сохраненной в маньчжурском языке и в монгольских языках. В тюркских языках «эновые» формы обрели статус местоимения-подлежащего, множественное число местоимений 1 и 2 лица *би-з* и *си-з* образуется морфологически – иначе, чем в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках» [2, с. 279].

При этом известная степень различия (относительно категории притяжательности и средств ее выражения) у отдельных языков рассматриваемой семьи все же имеется [3, с. 27-29].

Притяжательность (и ее обозначение), как одна из самых существенных сторон языка, привлекала и привлекает к себе внимание многих лингвистов. В тюркских языках категория притяжательности была выделена во II половине XIX в.: о ней можно прочесть в трудах А. К. Казем-Бека, О. Бетлингга, Н. И. Ашмарина, Н. Ф. Катанова, П. М. Мелиоранского и других тюркологов. С момента создания первых академических грамматик тюркских языков описание категории притяжательности является неотрывной частью обязательных разделов, предназначенных для изучения. В упомянутых грамматиках, равно как и в других, более поздних, работах выделяются обычно следующие общие способы выражения категории притяжательности: морфологический, синтаксический, смешанный [напр.: 4, с. 137-140; 5, с. 278-286; 6, с. 82-83; 7, с. 114-116].

В хакасском языке данная категория выражается с помощью базовых средств (специальных суффиксов); их присоединение осуществляется двумя способами: а) морфологически: *агазым* «[мое] дерево»; *агазың* «[твое] дерево»; *агазы* «[его] дерево»; б) синтаксически (при участии личных местоимений): *миниң агазым* «мое дерево»; *синиң агазың* «твое дерево»; *аның агазы* «его дерево» [5, с. 62-65].

Во втором случае видим классическое «тюркское» построение: личное местоимение стоит в форме родительного падежа, а определяемое слово снабжено лично-притяжательным суффиксом. Примеры:

Хызын оолгыма сурчам ‘Его дочь сватаю за своего сына’ [ХРС, 522].

Анымчох, харачхай, чай тооза ырлаан ырларың халчалар миниң чўреemde ‘До свиданья, ласточка, песни твои, что пела все лето, остаются в сердце моем’ [ХРС, 648].

Аргызымнаң хада чол сыгар полгабыс, пўўн урбалыбысты ‘[мы] с моим товарищем вместе собирались в путь, а сегодня [он] отказывается’ [ХРС, 730].

Далее, авторы Грамматики хакасского языка выделяют четыре разновидности основной посессивной конструкции (используя при этом термин ‘категория принадлежности’):

1) субъект принадлежности и объект принадлежности стоят в единственном числе (*миниң книгам* «моя книга»);

2) субъект принадлежности стоит в единственном числе, а объект – во множественном (*миниң книгаларым* «мои книги»);

3) субъект принадлежности стоит во множественном числе, а объект – в единственном (*пистиң книгабыс* «наша книга»);

4) субъект принадлежности и объект принадлежности стоят во множественном числе (*пистиң книгаларыбыс* «наши книги») [5, с. 64].

Ниже приведем ряд примеров с использованием притяжательных форм (отдельных слов и словосочетаний):

Романның холын сілігін ала изеннезіп, харлос ұннең тылбырап сыххан (X, 4) – Поздоровавшись, тряся руку Романа, стал тараторить хриплым голосом.

Аның көңні угаа маңат полған, наа тогыс хыныг даа, чапсых таа пілдірген (X, 4) – У него настроение было хорошее, новая работа была интересной.

Синиң мал-хузыңның ұчўн, машина тогызынаң сыгартып, чаргаа кірбеспін (X, 5) – Из-за твоего скота я не хочу быть уволенным и попасть под суд.

Минің столым кистінде тізің хычырадып одырба! (X, 41) – Не гневайся (букв. не скрипи зубами) за **моим столом!**

Разумеется, в хакасском языке представлены и другие виды словосочетаний «притяжательного характера», входящих, в свою очередь, в состав простых или осложненных предложений. Вот, к примеру, как выглядит употребление притяжательных имен в сочетании со служебными именами:

Тойга чылылсхан чонның аразында Надя ічезін көр таапча (Т, 15) – Надя увидела [**свою**] **маму среди** собравшихся на свадьбу людей.

Ол арада Надистің чалбах чарынының кистінде сыбых-сабых хойыпчатхан (Т, 8) – В тот момент за широкой спиной Надиса усиливался (букв. сгущался) шепот.

Вербализация ситуации «один из многих» происходит следующим образом: есть только определяемое слово, определение отсутствует («один из кого» выявляется из контекста):

Маң пирбезелер дее, сыырагы хазыра тарт киліп, аңдарыбысча (Т, 70) – Хотя и силы были равны, но **тот, кто здоровее**, приподняв, кидает наземь.

– *Ойка-а! Ойка! – аахтас сыхханнар. Надя андар харах албин хараан. Че тігілері, хыр иніп, чіт чөрібіскеннер* (Т, 71) – Стали звать: Ойка-а! Ойка! Надя смотрела туда, не отрывая глаз, но **те** (из них) исчезли, спустившись вниз по горе.

Еще один частный случай – это предложения, где можно видеть сочетание существительного с притяжательным аффиксом с субстантивированной глагольной формой (именем действия):

Митяй, инейнің андаг хыныг чоохха кіріскенін хылыхха албин, пурдайыбысхан (Т, 71) – Митяю не понравилось, что **старушка вмешалась** в такой интересный разговор, и обиделся.

Артайның чиирі килче, арага агаа кирек чоғыл (Т, 105) – **Артаю хочется кушать**, водки ему не надо.

Часто формы категории притяжательности обозначают некоторое «составное понятие» как единое целое (схема: существительное в номинативе + существительное с притяжательным аффиксом):

Ипчі ограда ізиин чабарга чөре халган (Т, 104) – Женщина ушла закрывать **ворота ограды**.

Мал азыгынаң хызыл паргам, кумым көп нимес пирді (X, 4) – Мне нужен **корм для скота**, [мой] кум дал немного.

В ряде случаев наблюдается выражение посессивной семантики при «отсутствии» субъекта, которому что-то принадлежит (на самом деле он есть, но выражен имплицитно). Кто является посессором, становится ясно из контекста:

Азыгыбысты хайдар таарлапчазар? Кем чаратхан?! Пічігіңер көзідіңер! (X, 4) – Зачем (букв. куда) грузите [**наше**] **зерно**? Кто разрешил? Показывайте [**ваши**] **документы!**

– *Кабинадагы араганы ағылдах. Пу чиит арғызыбыс, тооп, майых таа парган полар, - чоохтанган олох ирен* (X, 5) – Принеси-ка из кабины водку. Этот [**наш**] молодой **друг**, наверно замерз и устал, – сказал тот же мужчина.

Семьям пар. Ёс паламны син азырабассың (X, 5) – [У меня] есть **семья**. Ты не будешь кормить [**моих**] троих детей.

Можно заметить, что иногда в рассматриваемых конструкциях возникают дополнительные коннотации, которые могут нивелировать (перекрывать) семантику притяжательности. Это связано с тем, что «посессивность связана с такими категориями, как детерминация, предикативность, атрибутивность, локативность, релятивность (наличие в семантической структуре слова релятивной семы)» [1, с. 388].

Но об этих дополнительных смыслах, возникающих при употреблении форм категории притяжательности (посессивности), нужно говорить отдельно.

Итак, грамматическая категория принадлежности в тюркских языках обладает как

общими структурными и формальными, так и заведомо различными чертами. Что касается категории принадлежности, существенно, проявляется ли указанное свойство (обозначать принадлежность) только в сфере имени, или также в других сферах. Как известно, тюркские языки в этом отношении едины: в них аффиксы притяжательности функционируют и за пределами системы именного словоизменения. Так, в сфере хакасского глагола наблюдается два типа лично-числовых суффиксов – их называют личными окончаниями первой категории и личными окончаниями второй категории. Но парадигматически они распределяются асимметрично: форманты первой категории, производные от личных местоимений, обслуживают темпоральную сферу настоящего и будущего, а также перфекта, а форманты второй категории, аналогичные притяжательным аффиксам имен, присоединяются к формам прошедшего времени на *-ды* и условного наклонения. Нетрудно заметить, что и при таком раскладе (т.е. в оформлении всей предикативной конструкции маркерами притяжательности) сохраняется общий «посессивный смысл»: обозначается «принадлежность действия» (тому или иному лицу). Итак, в результате анализа содержательной стороны выявляется главное: в хакасском языке, как в большинстве языков мира, имеется ядро в общем семантическом массиве притяжательных конструкций.

Имея в виду формальные аспекты, можно констатировать следующее: в хакасском языке, как и в других тюркских языках, наблюдается строго морфологическое и, далее, грамматическое оформление категории притяжательности. Незначительные различия между тюркскими языками в этой сфере незначительны, что позволяет объединить их в одну группу (по указанному признаку) и, далее, противопоставить другим языкам (реализующим другие модели репрезентации такой важной языковой универсалии, как притяжательность). Другими словами, в системе хакасского и других тюркских языков 1) способы формального выражения посессивной семантики (если брать все языки) типизированы, 2) структура соответствующей грамматической категории отличается от языка к языку. Расхождения проявляются по-разному, но больше всего – в следующих аспектах формального выражения категории принадлежности: группы слов, для которых выражение принадлежности не существенно; разряды слов, имеющих специфическое отношение к выражению категориального значения принадлежности; морфологические особенности употребления аффиксов принадлежности; значения и функции аффиксов принадлежности в сочетании со словами, относящимися к различным частям речи; закономерности и специфика образования сложных существительных, оформленных аффиксом принадлежности; синтаксические особенности слов и словосочетаний, имеющих формы принадлежности.

Литература

1. Журинская, М. А. Посессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 388-389.
2. Бурыкин, А. А. Местоимения, посессивные суффиксы, личные суффиксы глаголов в алтайских языках: новый взгляд // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. – М. : ООО «Издательство МБА», 2015. – С. 272-281.
3. Гаджиева, Н. З. Тюркские языки // Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М. : Издательство «Индрик», 1997. – С. 17-34.
4. Анжиганова, О. П. К семантической классификации именных словосочетаний хакасского языка // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – 1973. – Выпуск XVIII. – №2. – С. 128-141.
5. Грамматика хакасского языка / Редколлегия: М. И. Боргояков, А. И. Грекул, Г. И. Донидзе, Д. Ф. Патачакова / Под редакцией проф. Н. А. Баскакова. – М. : Наука, 1975. – 420 с.
6. Черемисина, М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 1992. – 92 с.

7. Краснощеков, Е. В. Выражение категории притяжательности в тюркских языках с помощью местоимений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №5(35). – В 2 частях. – Часть II. – С. 113-118.

Список источников иллюстративного материала

Т – Казачинова Г., Халларов А. Той. Повесть паза чоохтар. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1979. – 157 с.

Х – Тюкпиеков Н. Хыстаҕда. Повесть, чоохтар, хормачы ойыннар. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1977. – 110 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / Коллектив авторов-составителей. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.